

УДК 347.9
ББК 67.410.1

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ И ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И. В. Рехтина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассматривается, каким образом принцип правовой определенности может выступать в качестве критерия при определении баланса и соотношения частного и публичного интересов при рассмотрении дел в суде. Судебная практика России свидетельствует, что на национальном уровне при рассмотрении дел наблюдается дисбаланс частного и публичного интересов, при котором приоритет часто неправомерно отдается публичному интересу. Принцип правовой определенности может выступать в качестве критерия поиска данного баланса с учетом практики Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: правосудие, правовая определенность, публичный и частный интерес, доступность правосудия, эффективность правосудия, судебная практика, правоприменение.

BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS AND LEGAL CERTAINTY IN CIVIL PROCEEDINGS

I. V. Rekhtina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines how the principle of legal certainty can serve as a criterion in determining the balance and balance of private and public interests in the consideration of cases in court. Russian jurisprudence shows that, at the national level, there is an imbalance in the private and public interest in considerations, in which priority is often improperly given to public interest. The principle of legal certainty may serve as a criterion for finding this balance, taking into account the jurisprudence of the European Court of Human Rights.

Keywords: justice, legal certainty, public and private interest, access to justice, effectiveness of justice, jurisprudence, enforcement.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.6](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.6)

Сегодня процессуальное законодательство и судебная практика Российской Федерации находятся на этапе трансформаций, обусловленных изменением Конституции РФ и конституционного законодательства. Многие изменения связаны с оптимизацией гражданского судопроизводства, его унификацией, направлены на упрощение процессуальной формы, создание гарантий правовой определенности всего гражданского судопроизводства. Являясь объектом исследования представителей различных отраслей российского права, категория «правовая определенность» рассматривается и определяется учеными по-разному, в зависимости от того аспекта или компонента, который исследователь желает выделить и акцентировать. При этом трактовки категории «правовая определенность» отличаются множественностью подходов, многообразием и вариативностью [1, с. 51].

Термин «правовая определенность» рассматривается как принцип, критерий, свойство, право, качество, признак и т. п. Так, Е. А. Дербышева рассматривает правовую определенность одновременно как принцип, требование, критерий [2]. Н. Н. Ковтун и А. А. Зорин пишут о правовой определенности как о «фундаментальной» идее, начале, которое предполагает стабильность правового регулиро-

вания и исполнимость судебного решения [3, с. 144]. Л. А. Морозова рассматривает правовую определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права [4, с. 250].

Подобное разнообразие характерно для практики высших судебных инстанций. Соответственно, сама категория «правовая определенность» рассматривается, толкуется и применяется высшими судебными инстанциями в разнообразных качествах: принцип права, свойство права, критерий правовой нормы и поведения, качество судебного постановления, требование к правовой норме и судебном актам, критерий окончательности судебного акта, основание для отказа в пересмотре окончательного судебного постановления. Впервые требование определенности как конституционный принцип и одновременно критерий конституционности было обосновано в постановлении Конституционного суда РФ от 25.04.1995 г. № 3-П [1]. В последующих постановлениях Конституционный суд РФ рассматривал правовую определенность в качестве принципа, критерия, общеправового требования.

В постановлениях Конституционный суд РФ подходит к правовой определенности как к общеправовому критерию: «Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 ч. 1 Конституции РФ), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единого понимания и толкования нормы всеми правоприменителями» [5].

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что содержательное наполнение понятия «правовая определенность» может преобразовываться и конкретизироваться в зависимости от той правовой конструкции, к которой термин «правовая определенность» присоединяется и с которой используется. Подобным образом формируются не просто словосочетания, но и конкретные правовые явления, которые как текстуально, так и содержательно отличаются друг от друга по терминологическим и содержательным характеристикам.

Соответственно, спектр проявлений категории «правовая определенность» является многообразным настолько, что можно предположить об отсутствии исчерпывающего перечня его проявлений (аспектов) ипостасей, что периодически подтверждается новыми научными исследованиями и разработками [6, с. 17], регулярно обновляемой судебной практикой, а также разнообразием общественных отношений.

Между тем правовая определенность может использоваться как критерий в достижении баланса публичного и частного интересов. В связи с этим хотелось бы остановиться на таком аспекте применения данного критерия, как его использование судом кассационной инстанции в качестве основания для удовлетворения (отказа в удовлетворении) кассационной жалобы и отмены (оставления в силе) судебного постановления.

Так, при рассмотрении кассационной жалобы о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу, ссылаясь на принцип правовой определенности и используя его в качестве критерия законности судебного постановления, дело было передано на рассмотрение в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного суда РФ. Поскольку суд констатировал, что заслуживают внимания доводы ответчика о том, что у истца имелась задолженность по арендной плате, в связи с чем он не соответствовал критериям ст. 3 Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ, а судами не был обеспечен принцип правовой определенности, а также нарушен баланс установления пределов действия преюдиции, что впоследствии явилось основанием для отмены судебных постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции [7].

В другом случае, применяя в отношении судебного постановления правовую определенность в качестве критерия, Верховный суд РФ в удовлетворении требования отказал, сославшись на то, что в настоящий момент в рамках иных судебных дел установлена действительность договора цессии. В том числе в резолютивной части вступившего в законную силу судебного акта содержится вывод об отказе в признании недействительным договора цессии, то отмена обжалуемых судебных актов и оставление в силе решения суда необоснованно нарушит принцип правовой определенности, что недопустимо [8].

Возникает вопрос: где тот баланс публичного и частного интереса, который является золотой серединой и наиболее эффективно соответствует принципу правовой определенности? Ответ, возможно, следует искать в правовых позициях, высказанных Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Так, в деле «Медведев против РФ» от 13.09.2016 г. [9], используя критерий правовой определенности, подразумевающий «государство вправе рассчитывать на добросовестность поведения граждан, а гражданин, в свою очередь, вправе рассчитывать, что в один прекрасный момент почва не уйдет у него из-под ног», ЕСПЧ указал, что власти Российской Федерации не привели убедительное объяснение тому, почему, вопреки публичному интересу в обеспечении потребностей очередников, власти города предпочли не регистрировать надлежащим образом и / или не передавать квартиру лицу, нуждающемуся в социальном жилье, в 2005 г., когда были раскрыты мошеннические действия У. и внутригосударственные судебные органы признали право городской собственности на квартиру.

Если речь идет об общем интересе, публичные власти обязаны действовать своевременно, адекватным и последовательным способом. С учетом обстоятельств настоящего дела предъявление иска к заявителю, добросовестному приобретателю квартиры, примерно через 7 лет требует обоснования, которое не было представлено. Следовательно, заявитель был лишен права собственности без компенсации и не мог рассчитывать на получение иного жилья от государства. Решение в его пользу, обязывавшее С. уплатить ему компенсацию ущерба, вызванного возвратом квартиры в собственность города, остается неисполненным до сих пор.

Условия, при которых заявитель был лишен права собственности на квартиру, возложили на него индивидуальное и чрезмерное бремя, и власти не установили справедливое равновесие между требованиями общественного интереса, с одной стороны, и правом заявителя на уважение его собственности, с другой стороны. Именно в данном случае на национальном уровне при рассмотрении дела во всех внутригосударственных инстанциях наблюдается дисбаланс частного и публичного интереса, приоритет при котором отдан публичному интересу, а в отношении Медведева наблюдается ущемление его частных прав, которое было выявлено и устранено ЕСПЧ.

Анализ указанного дела позволяет заключить:

1) баланс частного и публичного интереса детерминируется сферой материальных отношений, отраслью права: публично-правовая сфера или частно-правовая сфера. Вероятней всего предположить, что вмешательство государства (публичного интереса) в область частных отношений должно быть минимальным или ограниченным;

2) допустимое вмешательство не может быть безграничным и своевольным, а должно быть ограничено сроками, иметь значимую цель, предусматривать в отношении субъектов компенсаторный механизм;

3) судьям следует непосредственно и самостоятельно применять принцип правовой определенности в качестве критерия при рассмотрении дел, что предопределяется его международно-правовой природой и закреплением в нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не дожидаясь отмены судебных постановлений судами проверочных инстанций.

Правосудие может и должно быть определенным. Именно критерий правовой определенности способен выступить в качестве эффективного при достижении баланса публичного и частного интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7. С. 51–55.

2. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 68–80. DOI: 10.7256/2409–7136.2017.2.21970. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_21970.html (дата обращения 29.10.2019).

3. Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых вводов Конституционного суда РФ // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 3 (28).

4. Морозова Л. А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 250–255.

5. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста»: Постановление Конституционного суда РФ от 26.11.2012 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 6). ст. 7124.

6. Любченко М. Я. Взаимодействие Европейского суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций : автореф. дисс. ... к. ю. н. М., 2018. 32 с.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.06.2019 № 305-ЭС19-143 по делу № А40-43482/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 22.11.2018 № 306-ЭС14-3497 (7,8) по делу № А12-8206/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление ЕСПЧ от 13.09.2016 по делу «Медведев против РФ» (жалоба № 75737/13) // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 4. С. 121–127.

УДК 347:349.4

ББК 67.404.02

ОБОРОТОСПОСОБНОСТЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

О. А. Рожкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

С. В. Воронина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Определение понятия «оборот» отсутствует в положениях Гражданского кодекса и иных нормативно-правовых актов. Научная дискуссия строится вокруг содержания понятий «оборот», «оборотоспособность», «гражданский оборот» и «правовой режим» и их соотношения. В гражданском обороте в большинстве своем свободно используются объекты гражданских прав, что предопределено присущим им юридическим свойством оборотоспособности. Гражданский кодекс определяет оборотоспособность как способность объекта гражданских прав свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому. Оборотоспособность нередко отождествляется со способностью того или иного предмета вообще быть объектом гражданских прав.

В доктрине также нет единой точки зрения относительно понимания оборотоспособности и ее соотношения с правовым режимом. Земельные участки являются объектами гражданского оборота, участвуют в земельных правоотношениях как объекты гражданского оборота. Оборот земельных участков осуществляется в той мере, в какой он допускается нормами законодательства. Актуальным является вопрос о соотношении земельного и гражданского законодательства при регулировании оборотоспособности земельных участков. Гражданский кодекс относит определение степени оборотоспособности земельных участков к предмету регулирования земельного законодательства. В соответствии с Земельным кодексом оборот земельных участков осуществляется в соответствии с гражданским законодательством и кодексом, при этом содержание ограничений оборота земельных участков устанавливается Земельным кодексом и федеральными законами.

Ключевые слова: земельный участок, оборот, оборотоспособность, гражданский оборот, правовой режим.